

щиты Родины с помощью ценностей, близких и понятных для подавляющего большинства. В частности, это проявилось в том, что появились существенные изменения в отношениях государства и религии. Церковь, забыв прошлые обиды и гонения, отозвалась на призыв правительства объединить усилия, направленные на борьбу с врагом. Служители всех конфессий поддержали эту инициативу, разделили судьбу народа в это необычайно трудное время, выполняя патриотический долг, как в традиционных, так и диктуемых военным временем формах.

Цена Победы является огромной, «это радость со слезами на глазах», Беларусь не досчиталась миллионов жизней своих граждан, война коснулась каждой семьи, поэтому неслучайно для поколений, прошедших пекло войны, первоочередной ценностью является «только чтоб не было войны». Мировая общественность по достоинству оценила вклад белорусского народа в Великую Победу, в дело разгрома фашизма. Это, в частности, проявляется в том, что Международная конференция по созданию ООН приняла решение о включении нашей страны в список стран основателей этой авторитетной организации.

Празднование Победы является еще одним шагом по дальнейшему увековечиванию ратного подвига белорусского народа, формированию у молодежи нравственно-патриотического отношения к Родине и ее историческому наследию, по осознанию и освоению тех духовных ценностей, которые гарантируют положительную историческую перспективу для белорусского народа и всего человечества.

Лойко Л.Е.

Историческая память и Великая Победа

Эпоха информационных войн показала как важно, чтобы историческая память имела статус социальной памяти. Это важно потому, что социальная память включает в свою основу совокупность институтов, учреждений, общественных организаций, обеспечивающих преемственность исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и их значимости для современных поколений. Историческая память в ее социальной модификации представ-

лена мемориальной инфраструктурой комплексов, памятников. Эти объекты стали частью межгосударственной политики Республики Беларусь и Российской Федерации в области исторической памяти. Бюджет Союзного государства стал одним из механизмов выделения средств на реконструкцию мемориальных комплексов, в частности Брестской крепости. Национальные бюджеты обоих государств интегрированы в эти задачи. Так, в Республике Беларусь за счет средств республиканского бюджета и спонсорской помощи созданы исторические комплексы «Линия Сталина», «Тростенец». Реконструированы площадь Победы в Минске, построено новое здание музея Великой Отечественной войны и примыкающий к нему парковый комплекс, реконструированы Курган Славы, а также мемориальный комплекс «Хатынь».

Историческая память отражает способность представляющих нацию людей переживать прошлое как собственную духовную биографию, сохранять культурные памятники и культурные традиции, являющиеся носителями сущности народа и его судьбы. Память интегрирована в пространство исторического времени.

Представления о времени зависят от конкретной эпохи, культуры общества, ее основополагающих ценностей. Например, в Древних цивилизациях понимание времени определялось мифологическим сознанием. На его основе все процессы социальной жизни трактовались как периодически повторяющиеся циклы. В Средние века видение времени задавала христианская религия. Время было творением бога, оно соотносилось с более ценной категорией – вечностью, имело начало и окончание. В Новое время, в связи с развитием естествознания, материальной и социальной практики, в представления о времени вошла идея направленности, периодичности социальной жизни.

Исходя из собственной потребности, общество структурирует свои воспоминания, наделяет их новыми интерпретациями. Поколения заново конструируют воспоминания прошлого опыта. При этом допускается избирательное забвение той или иной информации. Под влиянием политических и идеологических причин может иметь место спланированная амнезия в форме сознательного разрыва с прошлым. Но есть особый блок исторической информации – алейей, не подверженный забвению. К этому блоку исторической ин-

формации относится память народа о Великой Победе. В нашей стране он выражается двумя ключевыми словами «Беларусь помнит».

Особенности исторического сознания той или иной эпохи накладывают отпечаток на характер исторической науки. Научная историография представляет собой комплекс дисциплин. В этот комплекс входят история, археология, этнография, палеография, геральдика. Они изучают конкретные события, явления и факты общественного развития. Философия истории также обращена к историческому процессу. Она через механизмы концептуализации интерпретирует исторические события, выстраивая их в определенный порядок. Этот порядок основан на принципах:

- сущности и границ исторической реальности;
- соотношения культурного и природного начал в историческом процессе;
- социогенеза (причин зарождения и основных этапов развития общества);
- источника, движущих сил и субъектов исторического развития;
- роли великих личностей и масс в истории;
- соотношения революции и эволюции в развитии общества;
- смысла, цели и направленности исторического процесса;
- законов и логики истории;
- необходимости и случайности в историческом процессе;
- общего и особенного в истории различных культур, регионов, народов;
- континуальности и дискретности истории как целого;
- развития методов и принципов исторического познания;
- совершенствования понятийного аппарата исторической науки и логической структуры объяснения и понимания в ней.

Великая Победа обеспечивалась идеологией марксизма, несмотря на имевшую место критику таких мыслителей как Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве [1]. Среди этих немногих критиков был Б.Н. Чичерин [2].

После распада СССР историческая память оказалась в парадигме цивилизационного подхода. Великая Отечественная война

стала активно рассматриваться в границах второй мировой войны. Западные страны стали пропагандировать роль США и Великобритании в победе над фашизмом. Российская Федерация и КНР стали воспринимать события второй мировой войны в контексте их вклада в общую победу над фашизмом и Японией.

Историческая память оказалась в контексте непохожих друг на друга *«локальных цивилизаций»*. В разработке цивилизационного подхода в свое время приняли участие Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби, представители философии жизни. Оригинальную интерпретацию цивилизационный подход получил в трудах французских историков школы «Анналы».

Зарождение методологии цивилизационного анализа было обусловлено целым комплексом причин. Во-первых, историческая наука накопила богатый материал, в том числе и об удаленных от Европы обществах, который поставил под сомнение тезис о единстве исторического процесса. Обнаружилось, что представления об историческом процессе, которые выработала классическая философия истории, в значительной степени европоцентричны и не всегда могут быть перенесены на историю других стран. Неклассическая методология истории исходит из тезиса о том, что строгое научное исследование должно преодолеть взгляд на историю как всемирный и единый процесс, поскольку такой взгляд коренится в европейском историческом опыте и мешает увидеть своеобразие далеких в пространственном или временном отношении обществ. Поэтому отсутствие согласованной и всеобъемлющей картины истории оказывается не недостатком, а принципиально иным видением мира. Именно полицентрическая картина истории может помочь преодолеть субъективизм и неточности выводов историков.

Во-вторых, изменилась сама европейская культура. На рубеже столетий она вступила в полосу глубокого кризиса, который поставил под сомнение идею прогресса, духовного совершенствования, как цели и смысла истории. Прогресса, считают представители цивилизационного подхода, как общей направленности всемирно-исторического процесса не существует. Цивилизации рождаются, существуют, гибнут, на смену им приходят новые. Прогресс имеет место лишь «внутри» той или иной цивилизации, а не в их последо-

вательности. Он представляет собой развертывание скрытых, заложённых в ней возможностей и он не беспределен.

В-третьих, сформировались новые представления об историческом времени. Философы этого направления видели свою главную задачу в том, чтобы преодолеть традицию отождествления исторического и физического времени. В естественных науках время трактуется как однородная длительность, как средство измерения того или иного природного процесса. Совершился ли этот процесс сейчас, вчера или тысячу лет назад – не имеет принципиального значения. Все отрезки физического времени равноценны. Для историка же конкретное время тесно связано с протекающими в нем событиями, поэтому оно содержательно наполнено. Каждому типу исторических явлений присуща своя плотность, своя система счисления, поэтому равные в физическом отношении отрезки времени могут оказаться неравными в историческом смысле. Более того, для истории нет единого времени, в ней всегда присутствует ансамбль времен. На них обратил внимание французский историк Ф.Бродель. Есть время краткосрочное, текущее. Оно отражает видимые события. Есть медленно текущее, циклическое и повторяющееся время. Оно отражает процессы, охватывающие несколько десятилетий. И, наконец, есть длительная временная протяженность, оперирующая событиями и процессами в пределах столетий. Эти процессы оказывают подчас совершенно неожиданное влияние на видимые и зафиксированные в исторической памяти события. Обращение к таким глубинным временам и есть достижение современной исторической науки, философии и методологии истории.

Методология цивилизационного анализа сыграла важную роль в развитии современной философии истории и исторической науки. Она способствовала глубокому изучению внутренней структуры, специфических особенностей конкретных культур прошлого и настоящего. Она не стала единственной. Был разработан методологический инструментарий для отражения разнообразных сторон социальной динамики. Как пишет Я.С. Яскевич: «Их анализ показывает, что все эти концепции выделяют в многообразии социокультурных феноменов... локальные цивилизации, великие культуры, культурно-исторические типы, культурные системы и подсистемы, которые не всегда идентичны нациям или государствам...»

[3. с.58]. Изучая культуру, философия обращается, прежде всего, к ее универсалиям [4. с. 61-71]. Она рационализирует их, очищает от социальных и личных интерпретаций и на этой основе определяет критерии отличия культур друг от друга, внутренние механизмы их развития. На стыке науки и обыденного мировосприятия функционируют универсалии культуры, которые формируют архитектуру социальной динамики. В.С. Степиным она представляется в виде уровневого наложения надбиологических программ жизнедеятельности людей [5, с. 70-88]. В этой комбинации наслоений различных культурных эпох есть синергетическая основа самоорганизации [6].

Социальное пространство культуры насыщено различными технологиями, которые формируют особенности адаптации респондентов и корреспондентов коммуникации. Эти технологии включают в себя устные, письменные средства массовой информации, современные радио-, теле-, видео-, аудио-, компьютерные информационные сети. Культурные технологии представляют собой наиболее динамично развивающийся элемент культуры. Для социологии эта динамика интересна и значима, поскольку дает ей возможность придать предельно общим концептуальным философским построениям вид прикладной теории. Вследствие этого многообразия концептуальных построений философии детерминирует разнообразие культур-социологических дискурсов [7].

Феноменологическое пространство культуры включает многообразие визуальных и символических форм жизнедеятельности и архивирования исторических событий. Э. Гуссерль, актуализировавший, на концептуальном уровне, необходимость реконструкции истории как онтологии, свел феноменологию к абстрактному представлению о чистом сознании. Фактически попытка редукции феноменологии к очередной концепции не удалась, что и сам он понимал. Но при этом появилась возможность развития прикладных исследований в области культурологии, социологии, экономической теории и ввода в предметное поле наук ранее принадлежавших только обыденному сознанию феноменов.

Среди них оказалась фотография, альбом, маркированная артефактными символами эпоха [8]. Семейный исторический архив народной памяти практически не интересовал науку из-за того, что она оперировала предельно общими значениями. Как и всякая

наука, феноменологическая история основана на общих понятиях, но таких, которые акцентированы на категориях добра, зла, исторической правды. Она сопровождается их визуальными документами. Она пробуждает жанр эссе в восприятии истории, позволяющий разным поколениям через историческое событие на основе семейных воспоминаний, сохранять память о близких, оказавшихся в эпицентре культурных процессов.

Востребованность живой истории детерминировала формирование феноменологических практик реконструкции людских судеб в литературной модификации философии. Эта заслуга принадлежит российской философии XIX – XX веков, пользовавшейся литературным стилем.

Отечественные мыслители реконструировали насыщенную историческими событиями и судьбами культуру. Именно им в сложное время для исторической науки удалось показать «белых» и «красных» через живые образы, трагизм которых был предопределен радикальными переменами. При этом в контексте истории остались события, связанные с первой мировой войной. В свете подобного рассмотрения исторической динамики возникает соблазн вывести философию и историческую науку из пространства аналитической когнитивной традиции и ограничить их статус искусством. Но при таком подходе мы опять сталкиваемся с феноменом редукции. В данном контексте рассмотрения было бы правильным отказаться от навязанной самой философией дилеммы сциентизма и антисциентизма и говорить о развитии этой науки как естественно-историческом процессе. Примером такой естественности является феноменологическая история. Она самоорганизовалась в пространстве культурных технологий и повседневности. Эта особенность сформировала для нее более широкий горизонт событий и способов их архивирования, что позволило ввести в музейную культуру не только героическое содержание, но и повседневное, сопровождавшее быт населения, атмосферу экстремального времени. Даже в такое время люди создавали семьи, встречались, расставались, фотографировались.

Важным элементом документирования истории стал мемуарный жанр воспоминаний не только полководца, но и солдата. Акцент на рассмотрение исторических событий глазами очевидцев

формирует феноменологическую доминанту исторической памяти культуры. В связи с этим возрастает значение архивов, в которых хранятся многочисленные документы о людских судьбах, исторических событиях. Значение феноменологической истории, обладающей мощным визуальным эффектом документа стали понимать даже политики. И именно по этой причине такие документальные презентации так сложно демонстрировать, поскольку некоторым политическим силам историческая память не нужна, поскольку она раскрывает их антигуманную сущность и актуализирует проблемы воспитания в современном мире [9, с. 106-109].

Сформулированная нами тенденция в функционировании исторической памяти культуры как феноменологическая доминанта может вызвать возражения со стороны специалистов, приверженных методологии концептуальных демаркаций на уровне философских школ и направлений. В нашем отношении к этим возможным возражениям мы будем исходить из более важной задачи отражения, характерных для внутренних процессов культуры, форм самоорганизации исторической памяти народа.

Литература

1. Политкина, К.И. Гуманистические идеи Н.А. Бердяева в исследовании отчуждения культуры в современной цивилизации/ К.И. Политкина// Б.Н. Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России. – Тамбов, 2013.
2. Кирякин, А.В. Б.Н. Чичерин и К. Маркс (общие замечания к полемике)/ А.В. Кирякин// Философские традиции и современность. 2013. № 2.
3. Яскевич, Я.С. Философия и наука: время диалога, ответственности и надежды: избранные труды/ Я.С. Яскевич. – Минск, 2014.
4. Степин, В.С. Культура / В.С. Степин // Вопросы философии. 1990. № 8.
5. Степин, В.С. Человеческое познание и культура/ В.С. Степин. – СПб., 2013.
6. Синергетическая теория ценностей. Под ред. В.П. Бранского, С.Д. Пожарского. – СПб, 2012.

7. Абушенко, В.Л. Становление культур-социологических дискурсов в социальном знании: предельная рамка / В.Л. Абушенко// Социологический альманах, 2013. Выпуск 4.

8. Визуальные аспекты культуры. Сборник научных трудов. – Ижевск, 2007.

9. Беляев, Г.Ю. Проблемы воспитания в современном мире/ Г.Ю. Беляев// Вестник Российского философского общества, 2014. № 2.

Струтинская Н.В.

Когнитивный стиль мышления и возрастные особенности социализации и памяти

Разработанные классификации и типологии стилей мышления и когнитивных стилей позволяют установить особенности восприятия, запоминания информации и мышления людей разных поколений, как по двухполюсным характеристикам, так и по их целостным комплексам. Любой стиль мышления имеет свои достоинства и недостатки. В современных концепциях нет единого определения когнитивного стиля, а также общего подхода к выделению закономерностей его диагностики и классификации. В русскоязычной литературе используются термины когнитивный стиль и стиль мышления. В зарубежной и отечественной литературе можно встретить описание около полутора десятков различных когнитивных стилей. Понятие когнитивного стиля используется в связи со способами познавательной деятельности и познавательных стратегий, которые включают в себе приемы получения, переработки, воспроизведения и контроля информации.

Стиль мышления понимают, как «устойчивую совокупность индивидуальных вариаций в способах восприятия, запоминания и мышления, за которыми стоят различные пути приобретения, накопления, переработки и использования информации» [1, с.348]. Стиль мышления отражается на постановке проблем (их глубине, ширине), способах их решения, на поведении человека в повседневности. Молохина Г.А. выделяет три направления изучения проблемы стиля мышления [2]: